

ЦИКЛ «ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА»

I. ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА
И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

II. ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА
И ТАК СЕБЕ КАНИКУЛЫ

III. ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА
И ЯРКОЕ БЕЗОБРАЗИЕ

МАЛЬВИНА
ГАЙВОРОНСКАЯ

ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА

И ЯРКОЕ БЕЗОБРАЗИЕ

Москва
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13
Г14

Гайворонская, Мальвина

Г14 Одаренная девочка и яркое безобразие / Мальвина Гайворонская. — М. : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Тёмные тропы).

ISBN 978-5-17-179328-9

Продолжаются каникулы, а вместе с ними и злоключения Пандоры.

Невинное желание не портить чужой день рождения загадочным образом вылилось в изучение оборотничества, а вместо наслаждения тихими летними деньками пришлось прятать друзей от ревнивого поклонника. Параллельно сводный братец в попытке познать самого себя решил навеститься к минотавру, и, словно этого мало, еще и конфликт между вампирскими прайдами зреет!

Может быть, хоть здесь взрослые сами разберутся? Ну чем Богдан Иванович не «одаренная девочка»?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

В книге встречаются
сцены курения.
Курение вредит
вашему здоровью.

ISBN 978-5-17-179328-9

Копирование, тиражирование
и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения
правообладателей.

© Мальвина Гайворонская, 2026
© Кутовая Дарья (DAFNA), иллюстра-
ции на форзац, 2026
© sanagino14, внутренние иллюстра-
ции и обложка, 2026
© Оформление, ООО «Издательство
АСТ», 2026

*Посвящается Афанасию, коту,
который объяснил мне,
зачем я выросла*

ГЛАВА 1

НЕ ПРО ЛОГ, А ПРО ЛЕС, ЖЕНЩИН И ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧТО ЕЩЕ

— Чече, почему он тебя не видит?

Спутник пожал плечами и сделал несколько неопределенных пассивов.

— Вот только не надо включать взрослого! Мне уже восемь, и я прекрасно знаю: тот факт, что тут темно, а у него нет глаз, вообще Лесу не мешает. Так почему?

Мужчина в черной косухе и глухом мотоциклетном шлеме беззвучно вздохнул и развел руками.

— Сам не знаешь, но всю пользуешься? Ладно, в это я поверю. А вот выделяться мог бы и поменьше.

*Из записей во время
тренировочных прогулок в Лес*

Вы соскучились? Я — очень. Но прошел положенный срок, текст вычитан, умыт, причесан, аккуратно отпечатан на листе — и мы снова встретились, мой голос вновь звучит в вашей голове. Даже интересно, после разлуки присматривается ли пыливый читатель к книге в своих руках с подозрением? Эпиграфы на месте, но как он отреагирует на отсутствие пролога и панибратский тон? Улыбнется? Закатит глаза? Возрадуется, мол, теперь-то

перестанет укачивать от быстрых прыжков по безымянным персонажам? Полагаю, восприятие во многом зависит от конкретной личности, но не отметить главного не могу: перед вами новая история, жаждущая быть услышанной, и голос ее может звучать иначе, чем у предшественниц. К примеру, она категорически отказалась от пролога с эпилогом, хмуря бровки, мол, ни одного лога в тексте упомянуто не будет. Да, возможно, сударыня не столь умна, как хотела бы о себе думать, но давайте великодушно позволим истории течь свободно: и без того я ее перебила.

Правда, в одном сознаюсь сразу: без прыжков по персонажам опять не обошлось. Но жалобы были учтены, и в этот раз у каждого героя упомянуто имя, правда-правда! Не сказать, конечно, что это сильно помогло...

Лес был всегда — и ему это нравилось.

Жизнь зарождалась, ползала, видоизменялась, проигрывала, опять поднимала голову — но неизменно под его кронами. Сильные приходили на смену сильным, слабые потихоньку замещали слабых, а Лес оставлял за собой право вмешаться как мудрый родитель, порой же — как всевластный тиран. Глупыши жались к его корням, ведь попытка бросить ему вызов недалеко бы ушла от бунта аминокислот против первичного бульона: забавно в теории, но абсолютно нереализуемо на практике. Лес утопал в собственном могуществе. И, как и многие иные сущности подобного толка, в конце концов о собственное могущество и запнулся.

Пребывавший под его властью мир купался в магии по самую маковку, ибо как привычные нам деревья вырабатывают на свету кислород, так и Лес во мраке листвы порождал первичную материю чар, наделяя все живущее под его сенью невероятной силой. Но несмотря на даруемые им блага, стоило появиться первой прогалинке, пер-

вому шансу уйти прочь, в чужой мир, — и начался исход. Счастливики, многие века выживавшие вопреки воле Леса, устремились туда, где он не мог их достать, смиренно слабее поколение за поколением, лишь бы подальше от жутконосных ветвей. Вот тогда-то и оказалось, что просто быть Лесу уже недостаточно. Хотелось быть всем. Для каждого.

И он возжелал беглецов вернуть.

Мрак ночи, испокон веков нежно лелеявший его беги, сослужил здесь злую службу: любое проявление света хоть на каплю сильнее, чем от местных звезд и Луны, мгновенно выжигало Лес, убивая его магию, и ни регенерация, ни отсутствие нервной системы не помогали: да, он не чувствовал боли, сгорая, но все равно обращался в пыль быстрее, чем успевал ступить хоть два шага в новом мире. Свет страхожоров и прочей флоры и фауны, научившихся скалится на Лес люминесцентное подобие зубов, конечно, тоже был неприятен, но солнце... Солнце второго мира Лес уничтожало, а беглецы, довольные и наглые, и в ус не дули. Лес смотрел на них из-за границы и размышлял. На той враждебной, яркой стороне имелось что-то похожее на него: пусть и совершенно бесполезное, слабое, зато научившееся поглощать свет и, самое главное, как и Лес, привыкшее приспосабливаться.

Пожалуй, представляя саженцы, вы вряд ли подумаете о словосочетании «захватить в плен», но именно это Лес и провернул: чередой манипуляций и тактических хитростей раздобрал несколько молодых дубков из нашего мира и принялся переделывать их на свой манер. Окрестить результат даже сомнительным успехом не получалось: нет, на этапе выработки магии из света вместо мрака все шло замечательно, если не сказать бодрячком, но малейшая попытка перехватить управление сознанием, сделать подопытный росток частью единого Леса гасила в саженцах

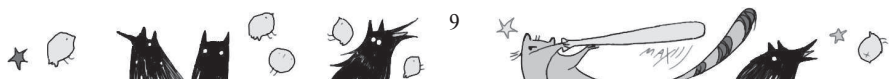
жизнь и обращала их в прозаически мертвую деревяшку. Малахольные жители второго мира оказались до безумия своевольны, и это пахло... конкуренцией? Совершенно отвратительное явление.

В конце концов Лес решился рискнуть, позволил одному-единственному иномирному побегу сохранить сознание, наделив того своей способностью вырабатывать магию в полной мере, при этом четко зная: его отпрыски останутся уязвимы для контроля. Логика была железобетонной, хоть оного материала в Лесу отродясь не водилось: отправить измененный росток обратно, домой, дожидаться, покуда тот наплодится, как принято у глупышей, а после достаточно подмять под себя хоть одного потомка, дабы по цепочке взять контроль над каждым, подавить разумы купающихся в солнце, а затем, уже их силой, подчинить себе и самого первого. Так Лес стал бы един на оба мира.

Но читавшие первые две книги давно уже смекнули: кажется, у хищного растительного сверхразума что-то пошло не так.

Нет, наделенный магической силой Леса дубок не только выжил в нашем мире, но и вполне бодро пошуровал по оному на своих двоих, которые, как и всякое магическое создание, быстренько научился отращивать. Да вот беда: сколько б ни плодился, сколько б ни наделял мощью и магией иные растения, стоило Лесу такого к себе умыкнуть и сознания лишить — и тот в пыль обращался, словно саженец бестолковый. Не хватало чего-то глубинного, важного, частицы изначальной сути, носимой нахальным дубом. Нужен был не просто потомок, но тот, кому росток напрямую передаст часть своих сил. Лес ждал, затаившись, а его детище шеголяло себе и жило припеваючи. Было оно рыжо, смешливо и себе на уме, местные величали его дядькой Витькой.

Ну или, если желаете, Витольдом.

Подглядывать в прошлое — дело неблагодарное: можно ненароком раздавить не ту бабочку и в результате переучивать потом грамматику, поэтому постараемся вас от этого обезопасить. Как бы ни хотелось вмешаться и переписать историю, сегодня мы с вами только смотрим. Смотрим и терпим.

Молодая испуганная женщина бежит по извилистым коридорам дорогого петроградского отеля, а за ней неспешно идет зло. Зло округло и непрезентабельно, низкоросло и плешиво. Она стучит в двери, зовет на помощь, но еще час назад кишевшее жизнью здание словно обезлюдело. В дамской сумочке малоформатная фотокамера Ur-Leica, несколько исписанных беглым почерком листов и приглашение на ужин от крупного промышленника, о котором сам промышленник даже не подозревал. Журналистка, в неистовом желании доказать коллегам-мужчинам свою компетентность стремившаяся докопаться до любой, даже самой безумной правды — и оказавшаяся не готовой столкнуться с ее безумием лицом к лицу.

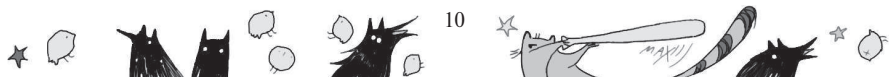
Она пытается скрыться на лестнице, но в испуге отшатывается — оттуда выходит еще одно зло, гораздо более задумчивое, но при этом массивное и высокое. В руке шприц. Женщина пытается бежать, но ее ловят, зажимают рот ладонью и, покуда она вырывается и истерично мычит, медленно впрыскивают в вену странную темную субстанцию.

Плешивое зло устало качает головой:

— Не волнуйтесь, Клара, вас предал не Богдан Иванович. Честно говоря, он и вовсе не подозревал об исследуемой вами теме — вне этой информации ему и полагается остаться. А вам... Что я могу сказать, добро пожаловать на борт.

Исполин, в чьих руках женщина постепенно затихала, отстраненно уточнил:

— Не проще убить? Зачем обращаться, да еще и составом, а не через укус?

— Не хочу лишних глаз, — отбрило низенькое зло и улыбнулось. — А насчет первого вопроса... Не сочти за грубость, Марат, но стратегического мышления ты начисто лишен. Девушка собиралась помешать нашим планам и заставила меня за собой побегать, смерть за такое — слишком просто и буднично. Нет, она станет частью системы. Поможет тому, с кем пыталась бороться.

— Но она же, простите... тощая?

Зло улыбнулось довольнее.

— В качестве растопки — да, экземплярчик сомнительный. Но мысли шире! Дамочка доставуча словно целая рота ее коллег-писак, а потому, надеюсь, при должном воспитании сможет нас всех в дальнейшем от подобного рода проблем избавить.

Его компаньон смотрел не мигая, и плешивое зло добавило:

— Клара получит собственную песочницу, подходящую женщине работу и возможность круглосуточно портить аппетит моему дорогому преемнику, ограждая его от неуместных попыток сблизиться с противоположным полом, — и еще будет меня за это благодарить, вот увидишь.

Он достал из сумочки фотокамеру, со вкусом и нечеловеческой силой смял ее в порошок и подытожил, глядя, как сознание покидает глаза женщины:

— А она, случаем, не немка?

— Отчасти, Иван Карлович. Американка немецкого происхождения, — пояснил второй мужчина, вставая и перекидывая тело через плечо.

— Знаешь, Марат, иногда мне кажется, будто немцы меня как-то избирательно ненавидят, — закивало низенькое зло, жестом гоня напарника прочь. Впереди ждали приятная сердцу вечность и триумфальное возвращение на родину, и омрачать их больше положенного совсем не хотелось.

И, как пыливый читатель уже наверняка догадался, именно это он только что и сделал.

Глядя на проплывающую перед глазами ретроспективу, сложно не задаться вопросом, мол, это все, конечно, интересно, но не пора ли хоть что-то ближе к текущему положению дел показать, а то пролог прологом получается? Понимаем, ни в коем случае не спорим и предлагаем вашему вниманию вполне себе наш мир, наше время, и более того — еще и успевший примелькаться пансионат у черта на куличках, в столовой которого царило приятное оживление, именуемое в расписании полдником. Однако среди недовольных густотой киселя старичков значился явный некомплект: к радости персонала, не хватало самого прищуристого и доставучего, Радаманта.

Вышеупомянутый богатырь в отставке тем временем сидел в своей комнате и внимательно изучал выставленные стройными рядами гостинцы, называемые промеж местных не иначе как данью. Оленина, лосятина и всякие перепела уже не просто примелькались, но и даже несколько приелись, а вот на последний выложенный из объемной спортивной сумки сверток старик смотрел с чистосердечным недоумением.

— Не ослышался? Копченый крокодил?

— Агась, — закивал посетитель.

— И за шо вы его так? — нахмурился Радамант.

Гость заерзал.

— Да в целом-то особо не за что. Фермы сейчас есть специальные, вот мы и подумали, мол, вам в прошлый раз страусятинка интересной показалась, можно и крокодилчика предложить...

— В мое время, — насупился старик, — крокодилы частью детских сказок были, а не блюдом на столе. Как прикажешь условного Гену есть, когда он так залихватски на гармошке играл? — Но, заметив, что гость потянулся

убрать рулет, поспешно замахал руками: — Не-не, оставь, коль уж притащил, всяко лучше зайчатины избитой. Только давай на берегу стоворимся, шо никаких котов Лепопольдов, даже если ферму подходящую заведут, ага?

— Ага, — закивал посетитель. — И в мыслях не было, Радамант Всеславович!

— То-то же. А по икорке нынче как?

— Все как любите: свежая, этого сезона, в баночках, — снова засутился детина, выставляя на стол из бездонной сумки стеклянные пятилитровки с крупными красными и мелкими черными зернышками внутри. Пожилой богатырь взял одну, посмотрел на просвет, постучал костяшками пальцев и удовлетворенно причмокнул.

— Хороша икорка. Да уж, свезло мне дожить до седин, когда уважают нашего брата, любят. Я ж тебе, кажись, про детство свое голодное рассказывал?

— Да-да, неоднократно, — оживился гость. — Как сейчас помню: времена стояли трудные, хлеба не было, приходилось икру прям на колбасу мазать.

Радамант замер и с прищуром на посетителя уставился.

— Я, по-моему, как-то иначе говорил. Перевираешь, небось?

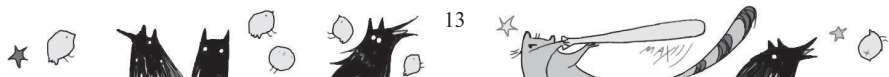
— Наверное, неточно запомнил, — поспешно закивал тот, надеясь лишний раз не волновать собеседника. — Настрадались вы за жизнь, Радамант Всеславович, на старости лет можно и отдохнуть, так сказать, побаловать себя вкуснятинкой домашней по семейным рецептам.

Богатырь снова насторожился:

— Че, хочешь сказать, даже крокодил у вас «по семейным рецептам»?

— Конечно! — горячо подтвердил гость. — Папулечка ж у меня капитан дальнего плавания, а мамулечка, прежде чем остепениться и со мной в Москве осесть, с ним вместе путешествовала. Чего только, говорит, не едали.

— И кого?

— В основном все-таки «чего», — на всякий случай решился настаивать посетитель. — Мы ж из интеллигенции.

— Ну да, конечно, — хмыкнул в ответ пенсионер, вскрыв один из свертков и принявшись посасывать балык из косули. — Одного в толк не возьму: какого лешего тебя раньше срока к нам занесло? Обычно ж ближе к концу августа выбирался, а тут гляди, в июле. По делу, небось?

— Как есть по делу, — кивнул в мгновение ока посе-резневший гость. — Мамулечка часто рассказывала, мол, это вы меня с того света привели...

— Было дело, — моментально перебил пожилой богатырь. — Воспоминания не из приятных, так шо давай не ворошить, а то весь аппетит перебьешь.

Правда, уминать косулю при этом он не перестал.

— Сожалею, Радамант Всеславович, но вспомнить надо. Ситуация... ну, снова такая же.

— В смысле? — опешил старик. — Ты ж мужик, неужто на сносах?!

— Не-не-не, конечно, нет! — замахал руками гость. — Не я, жена моя.

— Подожди, — нахмурился пенсионер. — Я, конечно, с возрастом, может, чего и упускать начал, но Максимилиана ж клялась и божилась, мол, раз у нее сын, а не дочь, то обойдемся без продолжения банкета. Другим минотаврихам взяться неоткуда, акция с родами одноразовая.

— Так мы, собственно говоря, и думали, — понуро отозвался амбал напротив. — Но природа свое взяла.

— В плане?

— Жenuшка-то у меня вилочка, а потому, сами понимаете, ждали, что свой же род и продолжит. Мол, будет деточка с копытцами, в нее. А получилась...

Гость замаялся, и старик переспросил:

— А получилась?

— Ну, тоже с копытцами, конечно. Но в меня, — понуро сознался посетитель.

Пожилой богатырь почесал затылок.

— Ниче се у вас приключения. Уверен?

— Еще как. Во-первых, сроки — шестой год идет.

— Ну, мож, оно так само по себе? — с надеждой уточнил Радамант. — Не обязательно ждать на выходе именно...

— А во-вторых, — продолжил гость с самым отчаянным видом, — Принцесса лично Розалину осматривала и живот щупала. Так что без вариантов.

— Кирпич силикатный мне в лобовуху... — присвистнул старик, и вправду отложив косулю куда подальше и разве что не подопнув для верности.

Собеседник продолжал:

— Поэтому вы очень-очень нам нужны. Мне вы уже однажды помогли, и мы с мамулечкой просим вас и на этот раз не остаться в стороне.

Пенсионер вздохнул, крикнул и вздохнул снова. Но дабы понять всю глубину возникшей проблемы, попробуем обратиться к ее истокам — мифу про минотавра. Как вы помните, в нем фигурировали лабиринт, в котором жило убивавшее людей чудище, и храбрый воин, сумевший оно забороть и вернуться обратно при помощи нити, выданной прекрасной принцессой. На памяти Радаманта это была самая большая брехня про роды из всех слышанных в его жизни.

Минотавры, конечно, в реальности существовали, но, как бы этак выразиться... В ограниченном количестве. Со всеми остальными сказами они пришли в наш мир из Леса, но то ли эволюция, то ли кривая повела их род по уникальной дорожке. Если Старшая кровь оборотней постепенно вырождалась в Младшую, послабже и попроще, то свои силы минотавры поколение за поколением сохраняли, стабильно демонстрируя повышенную резистентность к магии и физическую мощь. И да, в этом были по самое горлышко замешаны героини, прекрасные девицы и лабиринт, но исключительно образно выражаясь.

